

и их зарубежных покровителей, т.к. после победного окончания войны свергнуть монархию было бы значительно труднее¹.

Другие авторы высказывают мнение о том, что, несмотря на засилье иностранного капитала, в 1916 г. промышленность России, перестроенная на военный лад, в целом обеспечивала нужды фронта², который к этому времени оправился от первых потерь и стабилизировался вдали от жизненно важных центров Российской Империи.

Д. В. Гаврилов в исследовании по геополитической стратегии в первой мировой войне указывает, что в 1916 г. в России был создан мощнейший военно-промышленный потенциал, который остался невостребованным в связи с революциями 1917 г. и выходом из войны. При этом он ссылается на мнение У. Черчилля, являвшегося тогда военным министром Великобритании и написавшего, что к 1917 г. — «долгие отступления русской армии закончились..., фронт был обеспечен и победа — бесспорна... Россия пала, держа победу уже в руках»³.

Данные процессы значительно ускорились во время мировой войны. К 1917 г. объем зарубежных инвестиций сократился примерно на треть и не превышал 20% всех средств в отечественной промышленности, тогда как размер задолженности по внешним займам вырос многократно. Положение иностранного и международного финансового капитала в период войны оставалось достаточно стабильным.

Е. А. Цыпина

Февральская революция и нэп: взгляд из 20-х гг. XX столетия

Изучение связи между этими двумя периодами в истории России представляет несомненный интерес. По словам В. А. Мау, «новая экономическая политика стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции»⁴. В советское время многие исследователи проводили параллели между политикой весны 1918 г.

¹ См.: Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. – С. 134.

² См.: История России. Учебник. Изд. 2-е. – М., 2003. – С. 327.

³ Гаврилов Д. В. Урал в геополитической стратегии первой и второй мировых войн // Горнозаводский Урал XVII — XX вв. Екатеринбург, 2005. – С. 449.

⁴ Мау В. А. Нэп в контексте российской революции // Нэп: приобретения и потери. – М., 1994. – С. 43.

и новой экономической политикой. Такая точка зрения продолжала поддерживаться некоторыми исследователями и в годы «перестройки». В. П. Булдаков и В. В. Кабанов обнаружили, что весной 1918 г. «определились черты политики, близкой к нэповской»¹. По мнению историков, «мирная передышка весны 1918 г., заключение Брестского мира позволили сделать черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной действительности»².

Для подтверждения данной точки зрения ее сторонники ссылались на работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», написанную в марте-апреле 1918 г. В. П. Дмитренко считал, что В. И. Ленин уже на начальном этапе революции осознал необходимость опоры на созданные капитализмом формы хозяйства³.

В 1990-е гг. эта точка зрения была подвергнута критике и отброшена как несостоятельная на том основании, что упомянутая работа В. И. Ленина «помимо затверженных всеми соображений о необходимости временного компромисса с буржуазией, содержала уничижительную характеристику преобладавшего в России мелкокрестьянского экономического уклада и нацеливала на его дискриминацию под лозунгом борьбы с мелкобуржуазной стихией»⁴. Взамен было предложено искать параллели между нэпом и другими, более ранними этапами революции 1917 г.

С оригинальной концепцией по данному вопросу выступил В. А. Мау. Он предложил рассматривать период российской истории с 1914 по 1929 гг. как единый исторический период, который характеризуется «единым процессом вызревания и осуществления революционных преобразований, итогом которого оказалась политическая и экономическая система, названная потом тоталитарной»⁵.

¹ Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // *Вопр. истории.* – 1990. – № 3. – С. 45.

² *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства.* – М., 1991. – С. 52.

³ См.: Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // *История СССР.* – 1990. – № 3. – С. 6.

⁴ Павлюченков С. А. *Военный коммунизм — в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России: тенденции последних лет.* – М., 1996. – С. 225.

⁵ Мау В. А. *Реформы и догмы 1914 — 1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма.* – М., 1993. – С. 8.

Среди многих этапов русской революции особое внимание В. А. Мау привлек «начальный «розовый» период революции», который характеризовался «объединением самых разнородных социальных сил, недовольных существующим строем», что привело «к относительно быстрому и для многих неожиданно легкому падению последнего»¹. Другими словами, автор призвал искать параллели между нэпом и Февральской революцией.

Понимая условность проведения исторических параллелей, мы считаем, что при рассмотрении этого вопроса очень полезным может быть обращение к свидетельству современников событий, которые своими глазами наблюдали за тем, что происходило в 1920-е гг. Именно эта задача ставится в данном сообщении.

Следует заметить, что установление большевистского режима в России вызвало яростную идейно-политическую борьбу между большевиками и их политическими противниками. Многие из политических оппонентов большевиков в первые годы Советской власти были подвергнуты репрессиям, часть из них либо примкнула к белому движению, либо оказалась в эмиграции.

Основные дискуссии между большевиками и их оппонентами шли о содержании революционного процесса в России в 1917 г. К началу 1920-х гг. всем было ясно, чем отличались события февраля-марта 1917 г. от событий октября 1917 г. Многие из политических противников большевизма полагали, что именно Февральская революция максимально соответствовала потребностям России как составной части мирового сообщества. Для них Октябрьский переворот означал поворот в историческом развитии России, сворачивание с той магистральной дороги, по которой шла мировая цивилизация.

Введение новой экономической политики вызвало у части русской интеллигенции надежду на возможность возвращения России в лоно мирового исторического процесса. Появились призывы к реставрации тех порядков, которые появились в России после Февральской революции.

Модным стало характеризовать нэп как «путь термидора». Экономисты, публицисты в эмиграции рассчитывали, что большевистская власть рухнет под экономическим давлением, создаваемым нэпом. Однако следует заметить, что одними из первых о «термидоре» заговорили сами большевики. Весной 1921 г. В. И. Ленин размышлял над вопросом: «Термидор»? Трезво, *может быть, да? Будет? Увидим?*².

¹ Мау В. А. Нэп в контексте российской революции. – С. 43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 403.

Действительно, в Советской России в начале 1920-х гг. заговорили о свободе слова. С осени 1921 г. были расширены возможности издательской деятельности, появилось много частных издательств. Только в Москве в 1922 г. их насчитывалось 337, в Петрограде — 83¹. Появились журналы критически настроенной по отношению к советской власти интеллигенции: «Экономист», «Новая жизнь» и др. По словам Е. Г. Гимпельсона, «в них либерально-мыслящие ученые, философы, экономисты, публицисты выражали надежды, что новые экономические реалии побудят власти отказаться от преследования инакомыслящих, создадут условия для свободного обмена идей. В книгах и статьях критиковалась официальная идеология и хозяйственная практика. Беспартийная интеллигенция переживала эйфорию ожидания подлинной либерализации и даже коренного изменения политического режима»².

Многие меньшевики и эсеры приветствовали этот переход, рассматривая нэп как отступление к капитализму. Н. А. Рожков оценивал нэп как государственный капитализм «с некоторой примесью капитализма частного»³. Политические противники большевиков предлагали меры, направленные на приближение политики начала 1920-х гг. к ее идеалу, то есть к реализации принципов Февральской революции.

Меньшевики и эсеры предлагали большевикам изменить политическую систему, отказаться от «диктатуры пролетариата», расширить демократию. Осенью 1921 г. их основными лозунгами были: ликвидация диктатуры одной партии и свободные выборы советов, а главной задачей — «пробить брешь в системе врага, пробить путь демократии»⁴.

Видя отсутствие у большевиков желания дополнить экономические реформы реформами политическими, они критиковали их за непоследовательность в проведении экономических и политических реформ.

Введение большевиками нэпа породило так называемое смеховое движение. Его представители надеялись, что, вводя нэп, большевики эволюционным путем реставрируют капитализм

¹ См.: Всероссийская конференция РКП(б) (4 — 7 августа 1922 г.). — М., 1922. — Бюллетень № 2. — С. 80.

² Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система: 20-е годы. — М., 2000. — С. 63.

³ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Л. — М., 1926. — Т. 12. — С. 317.

⁴ В. И. Ленин и ВЧК. — М., 1987. — С. 519.

и возрождают буржуазную идеологию. Один из лидеров сменовеховцев Н. В. Устрялов оценивал нэп как попытку большевиков удержать в своих руках власть любой ценой, даже путем «экономического Бреста». Он писал: «Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует со своей точки зрения, лишь на время, лишь — тактически, но факт остается фактом»¹. Автор полагал, что в отличие от французских якобинцев, «нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение обстановки, понижение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы»².

Представители сменовеховства, которых было немало как внутри страны, так и особенно вне ее, среди эмигрантских кругов призывали правительства западных государств признать большевистское правительство, перейти от конфронтации к сотрудничеству с ним, для того чтобы способствовать его эволюции в направлении капитализма.

Некоторые интеллектуалы на Западе разделяли эти взгляды. По словам немецкого философа и писателя В. Беньямина, «в России государственный капитализм сохранил многие черты инфляционной поры. Прежде всего правовую неопределенность внутреннего положения... Нэп, с одной стороны, разрешен, с другой, допущен лишь постольку, поскольку это в государственных интересах»³.

Подобные настроения высказывались представителями многих политических сил в России. Большевики признавали, что в начале 1920-х гг. им становится все труднее сохранить свой режим. Один из идеологов большевиков этого времени В. И. Невский писал: «Реставрация ветхого буржуазного Адама идет по всему фронту: буржуазия пытается нанести нам удар в наших собственных укреплениях и в самое важное место, в твердыне нашей идеологии»⁴.

Но больше всего руководителей большевиков беспокоило то, что среди самих большевиков не было единства в понимании сущности новой экономической политики. Г. Я. Сокольников характеризовал весь социально-экономический строй при нэпе как госкапитализм⁵.

¹ Смена вех. Прага, 1922. — С. 63.

² Устрялов Н. В. Под знаком революции. — Харбин, 1924. — С. 46.

³ Беньямин В. Московский дневник. — М., 1997. — С. 135.

⁴ Невский В. И. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией // Под знаменем марксизма. — 1922. — № 7–8. — С. 130.

⁵ См.: Сокольников Г. Я. Государственный капитализм и новая экономическая политика. — М., 1922.

Их также пугало то, что в самой РКП(б), как в руководящих кругах, так и особенно в низах, высказывались мнения о том, что в условиях нэпа можно допустить «ослабление» меньшевистским партиям.

Е. Г. Гимпельсон обнаружил в архиве докладную записку работника агитпропотдела ЦК и референта ВЧК И. В. Вардина (Мгеладзе), составленную 11 апреля 1921 г. Тот предложил предоставить меньшевикам, эсерам, анархистам, по крайней мере левым их группам, возможность вести легальную политическую деятельность, сделать выборы в Советы «свободными»¹.

Руководство большевистской партии вынуждено было в начале 1920-х гг. бросить все свои силы на борьбу с так называемой «мясниковщиной». Г. И. Мясников, занимавший ответственные посты в партийном и советском аппарате Пермской губернии, в мае 1921 г. направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой критиковал политику правящей партии за бюрократизацию и подавление в стране демократических свобод. Среди предложенных мер по выходу из сложившегося положения он требовал «отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно»². Именно свобода слова представлялась ему универсальным методом лечения болезней большевистского режима.

Взгляды Г. И. Мясникова получили большую поддержку среди рабочих Мотовилихи. Его сторонники захватили руководство завкомов профсоюзов, провели своих кандидатов в Совет и в правление потребительской кооперации³. Современные исследователи отмечают, что «особой популярностью он пользовался у молодежи Перми и Мотовилихи, выглядел в их глазах «маленьким божком». В Пермском губкоме комсомола большинство состояло из сторонников Мясникова»⁴. Когда в июне 1921 г. Г. И. Мясникову запретили выступать перед делегатами Пермской губернской конференции, все депутаты из Мотовилихи покинули конференцию в знак протеста. Они заявили, что «губ-

¹ См.: Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система: 20-е годы. – М., 2000. – С. 67–68.

² Дискуссионный материал: Тезисы тов. Мясникова, письмо тов. Ленина, ответ ему, постановление Оргбюро ЦК и резолюция мотовилихинцев. Только для членов партии. – Пермь, 1921. – С. 12–13.

³ См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 887. Лл. 140–141.

⁴ Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995. – С. 110.

ком кроме репрессивных мер не знает никаких средств борьбы с инакомыслящими, если не считать ложь, клевету, шельмование, которые остались единственным средством «идейного» воздействия»¹.

Г. И. Мясников и его сторонники добивались созыва чрезвычайного съезда партии для рассмотрения вопроса о перевыборах ЦК, который, по словам Г. И. Мясникова, «ведет неправильную политику»².

Испугавшись возможности проникновения в Россию «буржуазных идей», руководство большевиков объявляет им войну. Позиция В. И. Ленина в отношении разрешения существования политической оппозиции в стране сводилась к следующему: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных» в тюрьме»³.

Кстати, в этом вопросе позиция Г. И. Мясникова была сходной с позицией В. И. Ленина. Он также полагал, что меньшевикам и эсерам не должно быть предоставлено право находиться в легальной политической оппозиции, ибо в гражданской войне большевики сражались не только с белогвардейцами, но и с меньшевиками и эсерами⁴.

Тем не менее, особенно сильно руководитель большевистской партии реагировал на требования проведения политических реформ, которые исходили из рядов большевиков. В начале августа 1921 г. В. И. Ленин написал Г. И. Мясникову письма, в которых критиковал его взгляды. Он писал, что печать есть центр и основа политической организации, поэтому лозунг «свободы печати» выгоден только врагам большевиков⁵. По убеждению лидера большевиков, лозунг «свободы печати» являлся непартийным, антипролетарским, явной политической ошибкой. Он писал: «Не стоит туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком»⁶.

В. И. Ленин опасность выступления Г. И. Мясникова против линии партии видел именно в том, что оно объективно способствует буржуазной реставрации. По словам В. И. Ленина, Г. И. Мясников бросился «в чужие объятия, в объятия буржуазии

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 3.

² Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 37

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 241.

⁴ См.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 418. Л. 40.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 79.

⁶ Там же. – С. 82.

(«свобода печати» для буржуазии)»¹. Дать такое оружие буржуазии, писал В. И. Ленин, «значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу»². Учитывая, что Г. И. Мясников продолжил свою деятельность не только в Мотовилихе, но и в Петрограде, 22 февраля 1922 г. решением Политбюро ЦК он был исключен из партии³.

Следует отметить, что в России и за рубежом было немало здравомыслящих политиков, писателей и ученых, трезво оценивающих намерения большевиков по введению нэпа. Лидер меньшевиков Л. Мартов, хорошо знающий большевиков, предрекал неизбежный крах нэпа, он был уверен, что они неспособны отказать от своей «военно-коммунистической» идеологии, ее принципов⁴. Некоторые представители эсеровской партии критиковали нэп, видя в этой политике продолжение большевистской тотальной монополизации экономики и командные методы регулирования экономики, подчинение экономики ее правящей партии.

Известный норвежский писатель М. Андерсен-Нексе, посетивший Россию в 1921 г., так писал о нэпе: «Без нэпа революция была бы подкошена, и на ее прежней почве снова вырос бы капитализм»⁵. Французский социалист В. Серж пришел к выводу, что советская демократия — это ложь, подлинная реальность состоит в диктатуре партии, состоящей из циничных карьеристов, пришедших на смену борцам Октября⁶. По словам другого французского социалиста Э. Эррио, посетившего Россию в 1922 г., диктатура в России сохраняется, всеобщее избирательное право отсутствует, школа является не светской, а антирелигиозной⁷.

Анализируя общественно-политическую жизнь в советской России в начале 1920-х гг., можно обнаружить, насколько живучи и востребованы были идеи Февральской революции 1917 г. и сколько политических сил пытались их реставрировать даже в совершенно иной социально-экономической и политической обстановке.

¹ Там же.

² Там же. — С. 79.

³ См.: Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенограф. отчет. — М., 1961. — С. 748–749.

⁴ См.: Мартов Л. Ленин против коммунизма // Соц. вестник. — 1921. — № 10. — С. 8.

⁵ Глазами иностранцев. — М., 1932. — С. 189.

⁶ См.: Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. — М., 1998. — С. 169.

⁷ См.: Перов Б. М. Эдуард Эррио: Политическая биография. — Самара, 1996. — С. 1.